

Дун Чэн повернул голову и посмотрел на Линь Сэня. Его лицо выражало искренность и чистоту, когда он произнес:

— Если бы я хотел приударить за тобой, то обязательно встал бы пораньше, приготовил продукты, сам встал к плите, накрыл стол и зажег свечи. Это ведь можно назвать романтикой, верно?

Линь Сэнь задумчиво кивнул:

— Можно.

Дун Чэн продолжил:

— Я готовлю всё это не только ради атмосферы, но и, конечно, чтобы порадовать тебя. Но неужели только ради тебя? — он покачал головой. — Где в людях столько бескорыстия? Разумеется, потому что когда радуешься ты, я тоже чувствую удовлетворение. Именно поэтому я и затеваю всю эту суету. Скорее, романтика нужна не столько для того, чтобы ублажить тебя, сколько для того, чтобы ублажить самого себя.

— Значит, романтика — это процесс получения удовольствия? Например, женщина без всяких свиданий просыпается пораньше, наряжается, любит себя своим сияющим отражением и чувствует удовлетворение — это тоже своего рода романтика. Я вот промок под дождем, пробежал полгорода, чтобы купить несколько корзинок шумай. Да, это была минутная прихоть, но когда я их купил, то почувствовал себя по-настоящему довольным. Это и есть романтика... Хм? Брат Линь, чему ты улыбаешься? Я что-то не так сказал?

Дун Чэн повернулся к Линь Сэню, который улыбался так, что у него сошлись уголки глаз, и недоуменно моргнул.

Линь Сэнь знал, что ничего от него не скроет, поэтому не стал юлить и честно ответил:

— Давно никто так серьезно не анализировал для меня значение какого-нибудь слова. Особенно такого бесполезного.

Дун Чэн, услышав это, словно только осознал, какую ерунду он только что нес двум почти незнакомым людям. Его лицо из румяного стало бледным, он походил на лисенка, которому прищемили хвост. Вся его недавняя самоуверенность, с которой он рассуждал о мироустройстве, испарилась. Он опустил голову, залпом допил остатки каши в миске и под предлогом смены одежды поспешно сбежал из кухни.

Когда Дун Чэн появился снова, от его неловкости не осталось и следа. На лице играла обаятельная улыбка. По пути на съемочную площадку он не забыл перекинуться парой фраз с водителем Линь Сэня, и всю дорогу вел себя так же оживленно, как и вчера.

Однако Линь Сэню это уже не казалось таким забавным.

Сегодняшние съемки были куда тяжелее вчерашних. Особенно после дождя, когда режиссер в спешном порядке решил заменить все натурные сцены на интерьерные. Одной из них была сцена, где второй главный герой, будучи императором, получает пощечину от собственной матери.

Хайбао листал сценарий и, увидев актрису, которая должна была играть эту роль, внутренне содрогнулся. Разве это не подруга того самого актера, который изначально должен был играть второго главного героя? Зверек поспешно передал эту информацию Дун Чэну.

Со вчерашнего дня Дун Чэн слишком долго вживался в образ, и хотя физически он был в порядке, морально чувствовал себя очень уставшим. Воспользовавшись тем, что Линь Сэнь сейчас снимался, он нашел укромный уголок и, прикрывшись сценарием, закрыл глаза, чтобы немного отдохнуть. Услышав слова Хайбао, он убрал сценарий от лица и лениво взглянул на актрису. Та как раз повернулась, увидела, что он смотрит на нее, и тут же с отвращением отвернулась.

Дун Чэн никак не отреагировал, снова накрыл лицо сценарием и небрежно бросил Хайбао:

— Пусть сделает что-нибудь.

Хайбао:

— А?

Линь Сэнь вошел в гримерку, только успел переодеться для следующей сцены, как гример еще не успел поправить ему макияж, а снаружи уже послышался шум. Казалось, что-то произошло.

Линь Сэнь не любил лезть в чужие дела и велел гримеру продолжать. Однако, едва тот достал пудреницу, дверь в гримерку распахнулась. Линь Сэнь открыл глаза и увидел вошедшую женщину с миловидным лицом. Он узнал ее — это была помощница Дун Чэна. Девушка выглядела крайне растерянной и пробормотала:

— Маленького господина обижают.

— Что? — Линь Сэнь не мог в это поверить. Даже не говоря о том, кто осмелится обидеть Дун Чэна с его характером, кто вообще решится на подобное, учитывая его нынешний статус?

Помощница стояла у двери и, с трудом сохраняя спокойствие, пересказала произошедшее. Суть была в том, что перед началом съемок у Дун Чэна и актрисы, игравшей его мать, возникла небольшая перепалка. Актриса перенесла эмоции в игру: пощечина была очень сильной, а Дун Чэн не совсем точно отыграл момент, и после нескольких дублей его щека распухла. Сам Дун Чэн ничего не сказал, но кто-то из окружающих не выдержал и сделал актрисе замечание. Та взорвалась и начала во все горло оскорблять Дун Чэна.

Помощница, видимо, видела утром, как Линь Сэнь и Дун Чэн вместе приехали на площадку, и

решила, что они в хороших отношениях, поэтому прибежала просить Линь Сэня заступиться. Стоя у двери, она тихо добавила:

— У маленького господина слишком мягкий характер, я боюсь, как бы он не пострадал...

Линь Сэнь немного подумал, кивнул, накинул верхнюю одежду и вышел вслед за помощницей.

Когда они пришли, инцидент был уже исчерпан.

Актрису увели в сторону, а Дун Чэна окружили несколько человек. Они пытались его утешить, а он лишь твердил, что всё в порядке, и на его лице блуждала улыбка, хотя щека была слегка припухшей, а в уголке губ запеклась кровь. Даже Линь Сэнь, которого трудно было назвать близким другом Дун Чэна, невольно нахмурился, что уж говорить о тех, кто давно был с ним в хороших отношениях.

— Это просто возмутительно! Только из-за того, что у Дун Чэна мягкий нрав, он не стал с ней спорить. Будь на его месте кто другой, ей бы не поздоровилось.

Один из присутствующих жаловался, и остальные тут же начали поддакивать.

Линь Сэнь стоял в стороне и наблюдал. Эта картина была ему до боли знакома: когда он с Дун Чэном был на предыдущих съемках, большинство людей тоже считали, что имеют право притеснять Дун Чэна, пользуясь своим положением.

Он подозвал кого-то и тихо спросил:

— Они поссорились?

Человек, увидев, что это Линь Сэнь, кивнул и ответил довольно объективно:

— Не знаю, из-за чего началось, но Мими-цзе ругалась ужасно. Конечно, Дун Чэн тоже был неправ, сказал кое-что про личные дела Мими-цзе с тем самым человеком... Ты же знаешь, Дун Чэн сейчас не тот, что раньше, и многие верят тому, что он говорит, независимо от правды. Наверное, Мими-цзе просто была вне себя от ярости.

Линь Сэнь несколько раз работал с Мими. Актриса она была действительно талантливая, но характер имела слишком прямой. Неизвестно, чем она насолила Дун Чэну, но, судя по ситуации, даже если Дун Чэн не станет привлекать Семейю Хэ, с таким характером ей будет трудно удержаться в этой съемочной группе.

Он мысленно пожалел Мими и вернулся в гримерку.

Однако события развернулись неожиданно. Прошел месяц, неловкость между Мими и Дун Чэном длилась всего три дня, а через неделю они и вовсе сошлись, и Мими даже принесла Дун

Чэну закуски.

Теперь, глядя, как они неподалеку о чем-то весело болтают, его помощник Сяо Ван чувствовал, что мир сошел с ума.

— Дун Чэн правда не злопамятный? — спросил Сяо Ван.

Линь Сэнь потер переносицу. Он, кажется, начал понимать: Дун Чэн выглядит ушлым и светским, но в душе остается ребенком. Он привык всем угождать и наслаждается тем, что его балуют в ответ.

Раньше, поддавшись словам друга и помощника, он считал, что за его угодливостью скрываются корыстные цели, и относился к нему не то чтобы плохо, но точно не хорошо. Возможно, именно поэтому Дун Чэн и ополчился на него, хотя и не переходил границ — просто подговаривал других изолировать его. Но ребенок есть ребенок, он что, думает, это школа без интересов?

Линь Сэнь, хоть и не был на пике популярности, за долгие годы оброс связями. И даже если окружающие считали, что он ведет себя слишком заносчиво, всё равно продолжали с ним общаться. Дун Чэн суетился несколько месяцев, но, кроме того, что Линь Сэнь чувствовал раздражение, он ничего не потерял. Поэтому Линь Сэнь позже перестал обращать на него внимание.

Теперь, когда они снова встретились, Линь Сэнь сменил отношение. Он больше не отталкивал Дун Чэна, а даже намеренно давал ему шансы, желая понять, чего тот добивается.

За этот месяц наблюдений он понял, что Дун Чэн действительно просто обсуждает с ним сценарий. Иногда они говорили и на другие темы, и Дун Чэн мог поддержать любой разговор. Линь Сэню нравилось общаться с ним: никаких проверок, никаких подозрений, всё очень легко.

Слушая вздохи Сяо Вана, он посмотрел на двоих неподалеку. Это он подсказал Мими извиниться перед Дун Чэном. Он не мог просто смотреть, как она покидает съемочную группу, ничего не сделав. Но он не ожидал, что эффект будет таким потрясающим.

Его взгляд медленно переместился с обоих на одного лишь Дун Чэна. Маленький лисенок, видимо, рассказывал что-то настолько захватывающее, что слов уже не хватало, и он жестикулировал с преувеличенными эмоциями, выглядя немного глупо. Но исходящая от него радость передалась Линь Сэню, и тот невольно слегка улыбнулся.

Может быть, он и правда слишком много надумывал.

— Задача выполнена!

Хайбао посмотрело на четыре золотистых иероглифа, вспыхнувших над головой, и его глаза превратились в полумесяцы. Оно потерялось о Дун Чэна и радостно закружилось вокруг.

Когда Дун Чэна били, зверек очень переживало и не понимало цели этой провокации. Позже Дун Чэн объяснил, что Линь Сэнь ценит сильных, но, пробыв долгое время в «грязном котле» шоу-бизнеса, жаждет чего-то чистого. Чтобы добиться его расположения, нельзя быть ни наивным простаком, ни просто сильным игроком. Так и родился нынешний Дун Чэн.

А что касается актрисы, Дун Чэн сказал ему:

— Люди всегда гораздо чувствительнее к чужим делам, чем к своим собственным.

Дун Чэн не смотрел на него. Сегодня у него была сцена разрыва с первым главным героем. Линь Сэнь с позавчерашнего дня обсуждал с ним сценарий, что говорило о том, как он важен для этой сцены. Под его влиянием Дун Чэн тоже раздумывал, как лучше её отыграть.

Дун Чэн долго размышлял над сценарием. Иероглифы о выполнении задачи над головой Хайбао постепенно исчезли. Режиссер позвал актеров на места, гример подошел проверить Дун Чэна в последний раз.

По команде режиссера гримеры и стилисты разошлись, установили яркие осветительные панели. Дун Чэн, облаченный в императорское одеяние с вышитыми пятипалыми драконами, стоял посреди зала. Его виски слегка поседели, а морщинки покрыли уголки глаз. Даже в его взгляде, который Линь Сэнь знал досконально, больше не было привычной мягкости и ясности. Он произнес:

— Искоренять зло, наказывать грешников, очищать от коррупции — разве не этому ты меня учил? Теперь, когда я это сделал, доволен ли ты?

Линь Сэнь однажды сказал Дун Чэну, что император от начала до конца лишь использовал министра, поэтому в этой фразе должно быть семь частей насмешки и три части торжества от достигнутой цели. Если он не сможет передать столь сложные эмоции, можно ограничиться только торжеством.

Но во взгляде Дун Чэна сейчас не было ни насмешки, ни тем более торжества. В нем читалось лишь полное равнодушие, возвышающееся над всем миром. Он говорил легко и легко заканчивал, словно никогда не считал этого министра достойным внимания, и даже эти слова были лишь формальностью.

Линь Сэнь мог понять такую манеру игры. В конце концов, с тех пор как император завел дружбу с этим министром, всё было под его контролем. Кем бы ни был человек, стоящий перед ним на коленях, он — лишь инструмент для захвата власти. Стоит ли тратить эмоции на вещь, которая больше не нужна?

Однако безразличие — это слишком тонкая грань, и сыграть его сложно: чуть больше — и это уже не безразличие, чуть меньше — и лицо становится каменным. В любом случае, когда это промелькнуло на лице Дун Чэна, первой реакцией Линь Сэня было не продолжение сцены, а мысль, что, возможно, это и есть настоящий Дун Чэн.

Эта мысль длилась меньше секунды, но все же повлияла на Линь Сэня, и дубль не удался. Режиссер был удивлен: ошибку допустил сам Линь Сэнь.

Но со второго раза Линь Сэнь перестал видеть в роли императора Дун Чэна и успешно произнес свою реплику. Оба отыграли великолепно, и сцену сняли с одного дубля.

Как только камера была убрана, Дун Чэн тут же превратился в маленького лисенка с лучезарной улыбкой, который повсюду вилял хвостом и выпрашивал похвалу. Линь Сэнь мысленно посмеялся над собой: о чем ты думаешь? Разве Дун Чэн не может выдать сверхрезультат?

Не успел Линь Сэнь отбросить эту мысль, как рядом заиграла знакомая мелодия. Линь Сэнь приподнял бровь: это была заглавная песня из сериала, в котором он снимался. Но тот сериал так и не вышел на телевидении, и, кроме его фанатов, песню почти никто не знал.

Пораженный, Линь Сэнь подошел и взял телефон, лежавший на столике. В этот момент подошел его помощник, и звезда, совершивший «преступление», случайно нажал кнопку ответа.

Голос в трубке был ему знаком — один из топ-менеджеров Группы компаний Тяньян. Он несколько раз сопровождал Хэ Тинвэя в Семью Хэ и общался с этим человеком. Тот, казалось, был в хороших отношениях с Дун Чэном. Даже не уточнив, кто на другом конце провода, он сказал:

— Юбилей старика скоро, когда ты вернешься?

Линь Сэнь нахмурился и, набравшись смелости, ответил:

— Господин Цзян, это Линь Сэнь. Маленький господин сейчас на съемках, я попрошу его перезвонить вам позже.

Цзян Чао на том конце провода тоже замер, узнав Линь Сэня, но быстро ответил:

— Хорошо, спасибо вам.

Разговор закончился, и экран телефона вернулся в режим ожидания — это была главная страница Вэйбо.

Линь Сэнь бросил взгляд и с удивлением обнаружил, что и имя аккаунта Дун Чэна, и содержание постов были связаны с ним самим. Вспомнив рингтон, Линь Сэнь позволил себе

безумную мысль. Переступив через совесть, он пролистал несколько постов, сделанных за последние дни:

«#ЛиньСэнь# Бесстыдно добавлю хэштег, мой Сэнь такой соблазнительный! Так и хочется запереть его в темной комнате, и делать с ним то, это, и вот это!
#сломлен##сломлен##сломлен#»

«#ЛиньСэньКоварный# Стилист, я тебя обожаю, готов облизать экран!» — прикреплено фото Линь Сэня со съемок «Коварного».

«Посмотрите на длинные ноги моего Сэнь-оппы! Я могу любоваться ими целый год!»

...

Дальше шли фанатские посты с предыдущих съемок, признания в любви персонажам. Линь Сэнь насчитал десятки постов с признаниями, и все они были адресованы его персонажу. Осознав, что телефон принадлежит Дун Чэну и всё это писал он сам, Линь Сэнь почувствовал, будто подсмотрел тайну. Его мозг на мгновение отключился, он поспешно вернул всё как было и положил телефон на место.

Там, где он не видел, Хайбао обреченно закрыло мордочку передними лапами и залилось слезами. Как оно теперь объяснит это своему хозяину?

Пока Хайбао мучилось, Дун Чэн вернулся. Но из-за звонка Цзян Чао он не успел узнать от зверька, что Линь Сэнь видел его телефон, и, взяв его, ушел в безлюдное место.

Голос Цзян Чао донесся из трубки:

— Ты всё еще на съемках? Последний месяц Хэ Тинвэй постоянно крутится у старого дома, обхаживает старика. В этом году один из новых проектов компании достался ему. Если ты не поднажмешь, то останешься позади!

Дун Чэн приподнял бровь, цыкнул и сказал:

— Не спеши. На юбилей старика я обязательно приеду. А насчет дел компании — по телефону обсуждать неудобно, вернусь — поговорим лично.

Дун Чэн за короткое время сумел завоевать расположение старика, поэтому Цзян Чао прислушивался к его словам. К тому же спешка здесь была ни к чему. Он листал документы и ответил:

— Хорошо, договорились. Если я могу чем-то помочь, только скажи.

— Хм... У меня как раз есть дело.

— Какое?

— Хочу встретиться с одним человеком, но сомневаюсь, что смогу его пригласить, нужно ваше вмешательство. — И Дун Чэн назвал имя.

Цзян Чао на том конце замер:

— Парень из Семьи Ду? Тот, что снимает кино? Зачем тебе с ним встречаться? Неужели ты всерьез подсел на киносъемки...

Дун Чэн не стал объяснять причину, лишь бросил два слова:

— Личное дело.

Когда Дун Чэн повесил трубку, Хайбао медленно подползло к нему. История с Вэйбо уже вылетела из головы — теперь его больше беспокоил Хэ Тинвэй.

Не говоря о том, что в оригинальном сюжете Хэ Тинвэй не проявлял такой сыновней почтительности даже до самой смерти старика, сейчас как раз был тот момент, когда Хэ Тинвэй должен был принести деду доказательства коррупции и попытки покушения со стороны Хэ Тинлуна.

— Этот Трансмигратор снова начал действовать.

Хайбао, сопоставив информацию, полученную от частного детектива за этот месяц, высказало свое мнение.

Дун Чэн кивнул, спрятал одну руку в карман и посмотрел на прохожих. На его лице не отразилось никаких эмоций. Спустя долгое время, вспомнив, что рядом Хайбао, он небрежно произнес:

— На большее его способностей не хватило.

Хайбао:

— ...

Человек и зверек еще немного постояли на холодном ветру, а затем неспешно вернулись к Линь Сэню.

Когда Линь Сэнь принял звонок, он уже кое-что слышал и догадывался, что человек искал Дун Чэна ради юбилея старого господина Хэ. Это дела Семьи Хэ, и его они не касались. Его больше волновало, что там с Вэйбо Дун Чэна — неужели он и правда его фанат?

Это чувство сильно отличалось от того, когда встречаешь на улице человека и узнаешь, что он твой фанат.

Дун Чэн с первой встречи доставлял ему неприятности. Они с трудом разошлись, и он думал, что еще несколько лет они не будут работать вместе, но не прошло и пары месяцев, как тот превратился из новичка шоу-бизнеса в потерянного младшего сына богатого клана.

Сказать, что ему повезло? Линь Сэнь первым не поверит. Он не был вхож в богатые семьи, но, глядя на тех, кто часто мелькал в кругах, он прекрасно понимал: если бы у Дун Чэна не было таланта, он не стал бы «маленьким господином», окруженным всеобщим вниманием.

При мысли о том, что такой человек всем сердцем восхищается им, Линь Сэнь, даже при всей своей хладнокровности, не мог подавить волнение.

Когда Дун Чэн вернулся, Линь Сэнь сразу отложил сценарий и сделал вид, что невзначай поднял голову. Дун Чэн, заметив, что на него смотрят, тут же озарился яркой улыбкой и легкой походкой подошел к нему:

— Брат Линь, я хочу кое-что тебе сказать.

Линь Сэнь не знал, что с ним происходит: при виде такого Дун Чэна в голове вдруг всплыла фраза, которую он видел в телефоне: «Так и хочется запереть его в темной комнате, и делать с ним то, это, и вот это!» Он замешкался на полсекунды и медленно ответил:

— Говори.

Линь Сэнь был вежлив со всеми, но никогда не проявлял пылкости, а говорил всегда размеренно, словно по секундомеру, не торопясь, какими бы важными ни были дела. Дун Чэн не заметил его странного состояния и продолжил:

— Послезавтра вечером у меня назначена встреча, хочу познакомить тебя с одним человеком. Думаю, ты будешь рад знакомству.

<http://bllate.org/book/22131/2305785>